

Ночь. Светает... Будто бы весь в своем рассказе. Хотя кажется, наверное, что уходишь и уходишь в многословие, описывая не самое сокровенное, чувственное, придыханное... — но, если бы вдруг сейчас в мое ночное окно кто-то увидел... ! Увидел бы голого мужчину. Он, вдыхая подушку, лежал на её трусиках, елозил по ним членом, шептал, почти плача... они все её трусики в моих пятнах семени, влипших уже моих волосках...

Я спал на кухне на раскладушке. Они в моей комнате на тахте. С утра на работу, а по вечерам ужин все вместе. Странно, но я спешил к ним и уже не скрывал от себя: ошеломила Оля! Ошеломила до всего моего мужского естества... !! — да, быть может, кто-то из мужчин не поймет меня: но меня вся она волновала! Большая такая вся. И в росте... мне 176... — а ей! И её вдруг огромное стана и такая вдруг широкость бедер и угадывающиеся под широким халатом груди, тот пушек над губами, тот пушек по полным локтям и... и такие сильные и совсем белые-белые ноги. С таким-же, но более темно-густоватым пушком... — Да, наверное, кто-то из мужчин скажет, что мол вот нашел красавицу... ! Но, поверьте, я вдруг с каким-то жгучим. Жгучим как никогда в жизни чувством — вождеделел от Оли!... вождеделел как никогда и ни с кем... Анна была низка и худа и безволоса... бывшая жена, та была помешана на эпиляции и похудении... — помню, и Олю пыталась научить крутить обруч, мучала диетами... Но Оля стала такой какая есть. Упав на всю жизнь в комплексы себя... Умная, прекрасно закончившая мед, читающая много, собирающая материалы для диссертации... — Но такая вот.

Знаете же, тех самостоятельно-гордых: на людях — показно благополучных; а по ночам, от отчаяния одиночества и душащих комплексов себя, плачущих в подушку... Знаю, сколько бывшая жена потратила сил и рвения, чтобы познакомить её с кем-то для замужества! Но стало, то что стало: на четвертом курсе родила, а он и жениться не думал... Так и осталась одна. Правда, с любимой Полинкой...

По-вечерам играли с Полинкой в дурака и шашки, а Оля тихо сидела читала и смотрела ТВ. И ничего не случилось бы. Знаю... Если бы не последние три дня. Словно разорвавшие жизнь. Мою. Олину. *** В тот вечер мы с Полинкой играли в доктора, лечили её куклу Катю... специально для .org Оля готовила на кухне. И когда Полинка вдруг сказала: — дядь Вить, а взрослые тоже играют в куклы, да?... у тебя за шкафом в коробке нашла... но она дура какая-то: голая и сдутая! — да? — проямлил я и весь похолодел... — а... а мама видела? — видела... сказала туда же спрятать...

Я обомлел и чуть не упал со стула: да, ту коробку с надувной куклою я казалось хорошо запрятал! Боже ты мой... — да там еще парик тот драный, что на неё одевал и те гольфики, и те ажурные трусики... — мрак и трибунал... !! И вдруг пронзительное: знает, видела, понимает!... и я, сославшись, что что-то забыл сделать по работе, уехал. Трясло. Трясло от осознания: Оля ведь все поняла...

В тот вечер, вернее, ночь я уже был сам не своим... лежал, пытался заснуть, читать, мастрбировать... вдруг скинул простыню и холодея от волнения лежал голым. Но включить комп и унять себя порно боялся... что-то заставило встать. И я осторожно вышел. Сначала в темноте ничего не увидел... но потом: щель, в их двери щель... освещенная отблеском фонаря из окна Оля лежала на левом боку, приобняв Полинку. В полусумраке простыня с неё сползла

и белая спина её! и белые — белые её ягодицы!!! Чуть не икнул и стало горячо, сухо во рту и гортани. Кадык заходил и не пытался его унять... О, господи. О, так близко...

И вдруг потеряв страх и боязнь: трусы на пол. И заонанировал. В невероятии поднятого члена, вдруг прямой тяжести яиц. Стараясь осторожно, трясась от вожделения и страха. Видя её такую белую и нагую! Особенно её огромье ягодиц... вдруг не совладая со сдавленным стоном запуская. Даже не думая, что на дверь и на пол рядом. И Поинка вдруг зашевелилась. И я побежал к себе. Застыв под простынею. не думал, потому что думать не мог. А утром, не будя их, уехал... лишь в дороге похолодел: семя!... семя на полу у их двери! я ведь знаю эти сгустки и лужицу, когда все происходит после недельного воздержания... Как странно все внутри было: и стыд, и вдруг его радость, и вдруг какая-то давно забытая малчишеская боязнь... Три дня и они уедут